

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА КАК ОСНОВА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: ЖАНР СТИХОФРАЗЫ

Попова Анна Ростиславовна, доктор филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орёл, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-8228-2755>, Studioaa2001@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена лингвистическому описанию жанра стихофразы, включающего в себя такие стихотворные тексты с заглавием-фразеологизмом, которые раскрывают информационный потенциал последнего и обнаруживают связи разных уровней языка с компонентным составом своего фразеологического заглавия. Текст-стихофраза рассматривается как реализация одного из векторов креативного потенциала фразеологизма. Такой текст наследует и преобразует денотативные, коннотативные, сочетаемостные, стилистические, культурологические и иные особенности базовой фразеологической единицы. В статье описываются существенные признаки фразеологической единицы, способствующие созданию на её базе поэтического текста: экстралингвистические, системно-языковые и внутренние, присущие конкретным фразеологизмам. Анализируются примеры реализаций креативного потенциала фразеологизма – авторские тексты (на данный момент существует более пятидесяти произведений данного нового жанра). Демонстрируется, каким образом в стихофразе, базирующейся на общепринятом, культурно освоенном значении фразеологизма во всём богатстве его макро- и микрокомпонентов, раскрываются и общеязыковое, типичное, и индивидуальное, субъективное, начала. В статье выявляется связь глобальных свойств русской фразеологии – антропоцентризма и антропометризма – с реализацией креативного потенциала фразеологизма в лирическом либо лироэпическом тексте жанра стихофразы. Устанавливается лингвистический и содержательный статус фразеологизма в поэтическом тексте-стихофразе, где фразеологизм играет доминирующую – жанрообразующую и текстообразующую – роль.

Ключевые слова: фразеологическая единица, компонент фразеологизма, жанр стихофразы, креативный потенциал, семантика, поэтический текст.

Для цитирования: Попова А.Р. Фразеологическая единица как основа поэтического текста: жанр стихофразы // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 150–156. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-150-156>

Research Article

PHRASEOLOGICAL ITEM AS THE BASIS OF A POETIC TEXT: THE GENRE OF POEMPHRASE

Anna R. Popova, Doctor of Philological Sciences, Turgenev Oryol State University, Oryol, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-5342-7305>, mosalevagv@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the linguistic description of the genre of poemphrase including such poetic texts with a title phraseologism which reveal its informational potential and demonstrate the connections of different levels of language with the component composition of its phraseological title. The poem phrase text is considered as the realisation of one of the vectors of the phraseologism creative potential. Such text inherits and transforms denotative, connotative, combinable, stylistic, culturological and other features of the basic phraseological item. The article describes the essential features of a phraseological item that contribute to the creation of a poetic text on its basis – extralinguistic, system-linguistic and internal, peculiar to certain phraseological items. Examples of realisations of the creative potential of phraseology are analysed – the author's texts (at the moment there are more than fifty works of this new genre). The article demonstrates how in the poemphrase based on the generally accepted, culturally mastered meaning of phraseologism in all the richness of its macro- and microcomponents reveal both the common language, typical and individual, subjective beginnings. The article reveals the connection of the global properties of Russian phraseology (anthropocentrism and anthropometrism) with the realisation of the creative potential of phraseologism in a lyrical or lyroepic text of the genre of poemphrase. The linguistic and informative status of phraseologism in a poetic text-poemphrase in which a phraseologism plays a dominant genre-forming and text-forming role, is determined.

Keywords: phraseological item, component of phraseologism, genre of poemphrase, creative potential, semantics, poetic text.

For citation: Popova A.R. Phraseological item as the basis of a poetic text: the genre of poemphrase. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 150–156 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-150-156>

Русская фразеология не просто поэтична, мудра, всеобъемлюща и образна – она ещё и то зерно, из которого прорастает поэзия. И формальная, и содержательная специфика фразеологической единицы (далее – ФЕ) проявляет себя в поэтическом жанре *стихофразы*, где воплощается семантический (денотативный, коннотативный, ассоциативный), сочетаемостный, стилистический, культурологический потенциал фразеологизма, многопланово высвечивается внутренняя форма текстообразующего фразеологического заглавия.

На данный момент в жанре стихофразы нами создано более 50 текстов, базирующихся на заглавных ФЕ разной структуры и семантики (большая часть произведений опубликована в следующих изданиях: [Попова 2015; 2020]): *Быть на высоте, За семью замками, Меж двух огней, Впадать в детство, За каменной стеной, В одну реку не войти дважды, Жизнь сегодняшним днём* и мн. др. В стихотворениях такого типа имеет место не просто функционирование фразеологизма в тексте как частного художественного явления в многоуровневой системе средств языковой выразительности. Фразеологизм становится источником для порождения текста, обуславливающим форму и содержание последнего. Образование на базе ФЕ и «вокруг» неё художественного произведения, воплощающего явное и имплицитное, данность и потенции, есть одно из направлений реализации креативного потенциала фразеологизма.

О креативности фразеологизмов в лингвистике говорится, во-первых, в аспекте *функционирования* их в дискурсе, в различных речевых ситуациях, при этом единица обрастает целой системой новых смыслов, образов, ассоциаций – «фразеологическая креативность исследуется как культурный фактор, обуславливающий системное образование и дискурсивное функционирование фразеологизмов» [Зыкова: 5].

Во-вторых, детально исследуются богатейшие *трансформационные возможности* ФЕ. Так, А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко выводится стройная многоуровневая система, типология семантических и структурных фразеологических трансформаций [Мелерович].

В-третьих, фразеологизм обладает креативным потенциалом, в частности *слово- и фразеобразовательным*, поскольку способен рождать другие, вторичные, отфраземные номинанты – как лексемы, так и фразеологизмы. Но текст-стихофраза представляет собой иное, *высшее* проявление креативности единицы фразеологического уровня. Рождается не вариант того же самого фразеологизма, не иная номинативная

языковая единица – лексическая или фразеологическая, а гораздо более сложное образование, произведение, отличающееся набором признаков, обуславливающих его жанровую принадлежность.

В качестве примера приведём стихофразу *Нить жизни*, где заглавная ФЕ имеет значение «жизненный путь, судьба человека».

Ничто не уходит, нечего хоронить! И я понимаю, отчаянно повзрослев: от тех, кто ушёл, – до нас протянулась нить. Шершавая нить, кручёная, чёткий след. Никто не покинул: по-прежнему здесь и свой. Не бросил кутёнком в отныне пустом мирке... Та нить обмотала запястье. И мне, живой, тепло оттого, что кончик её – в руке.

Ожившая вереница, строка, глава. Размашистый почерк – неровный, узорный шов... А там, далеко-далеко, шелестит листва. И маленькой мне удивительно хорошо: мы за руку, вместе обходим заросший двор, тропа широка, а трава по краям чудна, и нитка луча из-за тополя чуть видна... И взрослая я – до ужаса, до сих пор запястьем и сердцем чувствую – вот она...

Невидимой нитью сшиты страницы книг, подшивки газет, картины и корабли, дымок сигареты, низенький дом, цветник... И строим, по ниточке – тянутся журавли... Нанизаны, скручены бусины-узелки. Они не рассыпались, горстью во тьму стучась. Читатели. И друзья. И ученики. И все, кто тогда. И все, кто потом, сейчас.

Что было с тобой и дорого – всё на ней: кто рядом прошёл, и кто был навечно люб. Как пёстрая галька волшебю цвела на дне. И нити-лучи над морем стекали вглубь. И сладкие дыни в янтарном густом меду. И жёлтые письма – отныне их сон глубок... Теперь я, как та Ариадна, иду-бреду. И катится предо мной, и бежит клубок.

И тянется нить на тысячи горьких дён. И шелест её, и свет меня обволок. Я верю, что мы идём... всё равно идём. Пока на запястье теплится узелок.

Причина необычного, активного, разнопланового развития креативного потенциала фразеологизма коренится в двух значимых обобщённых категориях объекта (прагматика и статика, «что реализуется» и «что изначально дано»), то есть:

– в *функциях* ФЕ (предназначении, актуальности для системы языка и для живой речи, в том числе и художественной),

– в *признаках* ФЕ (которые и объясняют, и стимулируют именно такое функционирование).

1. Рассмотрим функции фразеологизма, способствующие развитию текста-стихофразы на его ос-

нове. Полно и подробно предназначение фразеологических единиц в языке описано В.М. Савицким, который выделил систему функций фразеологизмов [Савицкий: 178–181]. Укажем те из них, которые находят отражение в тексте жанра стихофразы.

1. Любое художественное произведение обладает хронотопом, предполагающим содержательное и языковое раскрытие двух универсальных смыслов текста – времени и пространства. Следовательно, в стихофразах неизбежно реализуется *дейктическая* функция. Дейксис есть «указание на пространственную или временную локализацию действия, явления, события относительно точки отсчёта, релевантной в рамках той или иной речевой ситуации» [Бесшапошникова: 35]. И фразеологические заглавия, и тексты стихофраз содержат обе разновидности дейксиса – и пространственный, и временной.

Примерами первого становятся ФЕ (и раскрывающие их тексты) *За каменной стеной, За семью замками, За тридцать земель, Не за горами, Меж двух огней, Мой дом – моя крепость, Не выносить сор из избы* и др. Как можно заметить, многие компоненты восходят к лексемам, номинирующим конкретные предметы, имеющие физические, пространственные характеристики: *стена, замок, земля, гора, дом, крепость, изба*; на пространственные отношения, образную локализацию места действия указывают даже компоненты-предлоги (*за, из, меж*).

Временной дейксис активно представлен в стихофразах, фразеологически озаглавленных *Впадать в детство, Время лечит, Жить сегодняшним днём, Кануть в Лету, После дождичка в четверг* и др. Компоненты этих ФЕ представляют собою лексемы со значением темпоральности (в своём свободном употреблении). Сами фразеологизмы, соответственно, тоже обладают временной семантикой, которая многогранно развёртывается в соответствующих стихофразах.

Например, стихофраза *Впадать в детство* передаёт попытку лирической героини проникнуть в искажённое мировосприятие девяностолетней женщины: *...Там, у неё, не хлещет злость, не реет войн седое знамя. А впрочем... впрочем, кто же знает, когда и где шатнуло ось. Где заблудилась, где ждала, где стало и светло, и просто – не здесь, на цифре 90, что запредельна и кругла...*

2. Стилистическая функция реализуется в тех стихофразах, базовая ФЕ которых, соответственно, сама обладает выраженными стилистическими особенностями. Так, в стихофраза *За тридцать земель* фольклорные, сказочные мотивы, специфика языка обусловливается именно свойствами заглавия: *...Реет ворон, стонет чудище и узорный вьётся змей, ничего я не хочу уже, лишь за тридцать земель. Там ворота золочёные, а за ними чудеса. Я хочу коту учёного между ушек почесать. Остудить младое ли-*

чико в бело-розовой воде. К чёрту, к чёрту на кулички бы, прочь, из никуда, в нигде!..

3. *Текстообразующая* (контекстообразующая) функция фразеологизмов, по И.И. Чернышевой, заключается в том, что они способны, «наравне с грамматическими и лексическими средствами языка, создавать те звенья в структуре текста, которые являются элементами структуры и в отдельных случаях также и связующими средствами фрагментов текста» [Чернышева: 9].

Эта функция ярчайшим образом высвечивается в стихофразах. Например, текст стихофразы *Медовый месяц* содержательно связан с семантикой данной ФЕ (герой действительно вспоминает счастье медового месяца, первую поездку на море с юной женой), более того, оба компонента образовали свои лексические лейтмотивы на протяжении всего произведения. Ср. фрагменты стихофразы: *...Тонкий серебряный обруч – месяц волшебный отсвечивает в копне. Тёмно-гречишно-медовой. А в глубине, в мягкой кудрявой волне – мёд, но уже каштановый – красноватый... <...> Только – порой накатит, до слёз пройдёт. На голубой подушке – спутанные колечки. Серебряный месяц. Гречишный мёд.*

4. Фразеологизмам свойственно не только частное влияние на семантику и стилистику своего микроконтекста, но и влияние иного уровня, доминирующее, общее: они в принципе организуют жанр стихофразы. Важно подчеркнуть, что подобную жанрообразующую функцию В.К. Харченко обнаруживает у метафор [Харченко: 25–26]. А поскольку ФЕ зачастую образны и предполагают отображение одного объекта через сходный по формальным или ассоциативным сходствам, а частным случаем подобного сравнения выступает именно метафора, тождество функций вполне объяснимо.

5. *Моделирующей* функцией наделены ФЕ, содержащие символ и аллегорию [Савицкий: 178]. Подобные ФЕ в наших примерах детерминируют выбор героев стихофразы и композиционные особенности текста. Например, *лев* (что нам известно с детства и многократно отражено в баснях) – царь зверей, этот образ воплощён в литературе как аллегория силы и власти. Именно такой стереотип породил стихофразу с заглавием *Львиная доля*, где главным героем становится аллегорический правитель, *лев*, и фигурируют его подчинённые, номинации которых также являются обращения к аллегориям. Ср.: *...То шакальи подходцы барские, то осёл во спеси заплесневел, то нещадно давлю в зародыше выкрутасы моих гиен. <...> Я закрыт. От ехидства лисьего, острозубо, зубоскального, в лисах, право же, нечто львиное, взять, урвать – а потом чисты. Проклинали меня завистники: мол, свирепствую без раскаянья, эти зайчики все невинные, правдолюбы, чуть что – в кусты...*

II. Сами признаки фразеологизма способствуют развитию текста-стихофразы на его основе. Обращение к жанру стихофразы ставит перед автором два вопроса.

– Любые ли ФЕ – а если нет, то какие именно – пригодны для написания стихофраз?

– Какие свойства фразеологизма – «зародыша» будущего текста – выступают залогом того, что работа в данном жанре и возможна, и продуктивна?

Эти признаки целесообразно подразделить на три группы – *экстралингвистические, системно-языковые*, то есть показывающие место ФЕ в общей фразеологической системе, и *внутренние*, присущие данной конкретной ФЕ [Попова 2013: 37–39, 111–112].

1. Экстралингвистические свойства фразеологизма предполагают широту, общеизвестность, актуальность ситуации, психотипа, проблемы – то есть денотата ФЕ. Текст стихофразы, с его сюжетом, героями, морально-этическими вопросами и т. п., должен быть общепонятен. Так, произведения нередко строятся вокруг героя, его жизненных коллизий, его духовного мира, что актуально для читателя и в принципе задано антропоцентричностью многих фразеологизмов. Среди заглавий стихофраз имеются номинации и характеристики лица (*Архивная крыса, Маленькин сынок, Первая ласточка, Рыцарь на час*), обозначения признаков, качеств человека (*Звёзд с неба не хватает, Лёгкая рука. Бабушкина..., Выжатый лимон*), его поведения, поступков (*Жить сегодняшним днём (Усталость), Хоронить себя заживо, Кто скоро помог, тот дважды помог*) и мн. др.

2. Системно-языковые свойства, обеспечивающие продуктивность ФЕ для создания стихофразы, заключаются, по нашим наблюдениям, в следующем. В номинативной фразеологической системе эти ФЕ принадлежат основному словарному фонду, употребляются в литературном языке (а не в иной форме существования национального языка: в нашем материале нет стихофраз, написанных на основе диалектных, жаргонных, арготических, узкопрофессиональных ФЕ), входят в активный фразеологический запас (не являются историзмами, архаизмами, неологизмами). Именно такой отбор общепонятных единиц, опять же, рассчитан на потенциального читателя.

3. Внутренние свойства, обеспечивающие жанрообразование, разнообразны, поскольку сами ФЕ – сложное явление, подвергающееся разноаспектным исследованиям и классификациям.

Для того чтобы на базе фразеологизма развился текст-стихофраза, особенностью которого является обеспечение активных, повторяющихся связей компонентов заглавия и элементов текста, эти компоненты должны быть значимы, легко воспринимаемы и, наконец, общеизвестны. Поэтому наиболее продуктивной в плане создания стихофраз, по нашим

данным, оказалась «золотая середина» (употребим эту фразеологическую метафору) фонда ФЕ русского языка, *фразеологические единства*, обладающие большинством определяющих, категориальных признаков, – и практически отсутствуют *фразеологические сращения*.

Не только единицы, структурно равные словосочетанию, но и *фразеологические выражения* становятся заглавиями стихофраз, поскольку и в них связанность семантики компонентов не абсолютна. В использованных нами заглавиях – фразеологических выражениях вполне ощутима внутренняя форма: *В одну реку не войти дважды, Сердце не камень, Только свистни, Время лечит..., Мой дом – моя крепость, Дружбы между мужчиной и женщиной не бывает....* Отсюда следует вывод, что структура ФЕ, соотносимость её с определенной единицей синтаксического уровня – или словосочетанием, или предложением – является «минус-признаком», не влияющим на выбор единицы для создания стихофразы.

Степень слитности компонентов обуславливает другой, не менее актуальный для создания стихофраз признак ФЕ – *ощутимость её внутренней формы*, образа, который должен быть интерпретирован в тексте.

На обращении к внутренней форме ФЕ базируются практически все стихофразы, причём в некоторых из них актуализация внутренней формы задаёт систему образов и структуру стихотворения. Например, в стихофразе *После дождичка в четверг* – героиня из невыносимо знойного понедельника мысленно представляет скорое, но кажущееся невероятным, слишком радостное для неё будущее – дождь, четверг и приезд любимого.

Соответственно, многие ФЕ с нестёртой внутренней формой характеризуются *образностью* – впрочем, как и производные слова, и художественные тексты.

Для создания стихофразы крайне актуален *компонентный состав* ФЕ, причём здесь важны не просто единицы в составе целого, но и *генетические прообразы* – лексемы в их свободном употреблении во всём богатстве своей семантики, парадигматики и синтагматики.

С точки зрения *соотношения с частями речи* в заглавиях стихофраз наиболее частотны субстантивные ФЕ, поскольку заглавие есть презентация темы, и нередко в этой позиции находится существительное в именительном падеже – «Отцы и дети», «Война и мир», «Обрыв», «Белая гвардия» и мн. др. Именно такой тип заглавия и является преобладающим в стихофразах, так как соответствует морфологическим особенностям ФЕ, которые восходят к субстантивным атрибутивным словосочетаниям с согласованием: *Первая ласточка, Кривое зеркало, Львиная доля, Лебединая песня* и мн. др. Встречаются и субстантив-

ные ФЕ-заглавия иной структуры, но тем не менее содержащие компонент-существительное в имени-тельном падеже: *Рыцарь на час, Нить жизни, Ящик Пандоры, Бразды правления, Яблоко раздора* и мн. др.

На втором месте – глагольные ФЕ с инфинитивом, реализующим синтаксическую связь – управление: *Впадать в детство, Уходить в себя, Строить из себя, Кануть в Лету* и др. Эта процессуальность реализуется и в текстах стихофраз, которые сюжетны и рисуют события жизни героев. Разумеется, в качестве заглавий стихофраз фигурируют и ФЕ иной структуры, и фразеологические выражения, к которым понятие частеречной соотнесённости неприменимо.

Способность к разного рода варьированию – и семантических оттенков, и формы, компонентного состава – есть одно из значимых свойств многих ФЕ. Уже в заглавиях некоторых стихофраз мы сочли необходимым использовать не «основной вид», а трансформированные ФЕ. Например, *чёрно-белая зависть* – образование-контаминант, в основе которого – антонимы *чёрная зависть* и *белая зависть*. В стихотворении, соответственно, противопоставлены чувство, деструктивное для человека, унижающее объектов зависти, – и чувство позитивное, то есть беззлобное признание чьих-либо несомненных заслуг. Заглавие стихофразы *Язык мой, брат мой* претерпевает существенную лексическую, синтаксическую и пунктуационную трансформацию. Вместо двусоставного предложения *Язык мой – враг мой* автором употреблено нечленное предложение, представляющее собой распространённое обращение. Изменение лексического компонента *враг* на антонимичный ему компонент *брат* связано с общей идеей стихофразы – постижением языка и любовью к нему.

Внутритекстовая окказиональная фразеологическая вариантность как частный художественный приём также активно задействована в стихофразах, о чём свидетельствует и довольно значительное количество преобразованных ФЕ, и многообразии преобразований. Ср., например: лексическое варьирование: *дамоклов кодекс* (ср. *дамоклов меч*); лексическое и грамматическое варьирование: *сердце, отданное навеки, сердце, розданное на всех...*; расширение компонентного состава: *голый шахматный король*; контаминация двух ФЕ с разрушением структурной целостности обеих: *и пусть покой (не вечный, а приёмный)*; актуализация внутренней формы фразеологизма в контексте, меняющая его семантику: *Кто я? Точка пересечения. В многоточии у судьбы* и мн. др.

В семантике фразеологизма *обобщённость*, типологизация сочетаются с удивительной *точностью* номинации. ФЕ охватывает огромный круг сходных предметов, явлений, ситуаций и т.п., выступает для них обобщением, инвариантом. Аналогично и художественные тексты (при всей их конкретике,

даже если герой выписан «как живой») – представляют собой обобщения: рисуют нечто индивидуально-личностное, но свойственное и понятное многим.

Например, *маменькин сынок* – это не просто «зависимый от матери, не готовый к самостоятельной жизни мальчик или молодой человек, избалованный женским воспитанием» [Фёдоров]. В стихофразе нарисован юноша со своей историей: мать – известная кинозвезда, на её фоне отец и сын воспринимаются бледно и несамостоятельно, сын, от чьего лица и написана стихофраза, страдает от своего «несоответствия» великой матери: *Я непонятно что, лепесток букета, я элемент – декора ли, этикета, я не могу при ней – становиться кем-то, кроме как летописцем её побед. Рядом – кометы, солнца, и львы, и львицы, это такие глыбы... такие лица... (мама, тут ни забыться, ни застрелиться, а приглашать на ужин и на обед)...*

Для лирики и лироэпики, коей принадлежат стихофразы, значимы *антропоцентризм* и *антропометризм* фразеологии. «Мотивированность связанных значений слов в ФЕ, образующих лексико-грамматическую парадигму опорного наименования, обусловлена самой способностью образного их основания не только обозначать в процессе переосмысления заданный в этой парадигме смысл... но еще и выражать характерные для мировидения народа культурные установки, служа для них своего рода эталонами, символами, стереотипами и т. п.» [Телия: 258].

Фразеологизмы антропометричны, и не только семантикой, но и материальной стороной ориентированы на человека. Компонентный состав заглавий стихофраз весьма показателен в этом плане: здесь и личные существительные (*сынок, рыцарь, Пандора*), и соматизмы (*руки, ноги, сердце*), и субстантивы, именующие периоды жизни человека (*детство, правление*), и прилагательные, обозначающие признаки лица (*маменькин, святой*), и местоимения (*мой, себя*), и глаголы – номинации действий человека (*бросать, терять, уходить, жить, держаться, хоронить, выносить*) и др.

Стихофразы написаны о людях, об их проблемах – физических, психических, моральных; с точки зрения людей – в первом лице или же с помощью приёма субъективированного повествования – в третьем лице; наконец, для людей. Фразеологизмы, по Ф.И. Буслаеву, совмещают в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [Буслаев: 37] – над ними возможно размышлять, а идеи, заключённые в них, – творчески развивать.

Таким образом, *лингвистический* статус ФЕ в стихофразе – это статус: 1) сильной позиции (обязательно – заглавия, а также вариательно – ключево-

го знака); 2) семантического центра; 3) формального центра; 4) первой реплики в особой коммуникативной структуре, где ответом на фразеологическое заглавие становится развёрнутая вторая реплика – поэтический текст.

Избранная как текстовая база, ФЕ становится залогом: 1) реализации в тексте локальной и глобальной связности – разных типов и в разных комбинациях; 2) определенной коннотации (текст может контрастировать с заданной словарно, принятой в языке, а может и следовать ей, но опирается на неё в любом случае); 3) стилистических особенностей текста.

Содержательный статус ФЕ поддаётся описанию с помощью категорий литературоведения. Так, фразеологизм есть основа: 1) тематики и (или) идеи, проблематики стихофразы; 2) определённого сюжета и типов героев; 3) хронотопических особенностей; 4) авторской эмоции – иронии, сочувствия, негодования и т. п., личностного отношения к затронутой проблеме, что вообще свойственно художественному, поэтическому изложению, не копирующему, но преобразующему действительность.

Стихофраза работает не просто с объективным миром, как и любое художественное произведение. Она сначала апеллирует к иной субстанции – к языку, к языковым единицам, преобразуя их; а затем уже, соответственно, к объективному миру. Тогда стихофраза даёт не только представление о действительности, но и представление о части мира языка, о мире фразеологизма – организованной системе, микрокосме с его ядром и периферией, который получает своеобразное преломление в тексте.

Список литературы

Бешапошникова О.А. Временной и пространственный дейксис в семантике фразеологических единиц современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 217 с.

Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные. М.: Русский язык, 1954. 176 с.

Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2014. 52 с.

Мелерович А.М., Мокленко В.М. Фразеологизмы в русской речи. М.: Русские словари: Астрель, 2001. 856 с.

Попова А.Р. Лексико-фразеологический комплекс как результат реализации креативного потенциала лексической единицы: дис. ... докт. филол. наук. Орёл, 2013. 537 с.

Попова А.Р. Стихофразы. 1-е изд. Орёл: ООО «Горизонт», 2015. 76 с.; 2-е изд., доп. Орёл: ООО «Горизонт», 2020. 128 с.

Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 206 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (дата обращения: 09.02.2022).

Харченко В.К. Функции метафоры. Воронеж: Воронежский университет, 1992. 88 с.

Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1964. 27 с.

References

Besshaposhnikova O.A. *Vremennoj i prostranstvennyj dejksis v semantike frazeologicheskix edinic sovremenno-go anglijskogo jazyka* [Temporal and spatial deixis in the semantics of phraseological units of the modern English language: CSc thesis]. Moscow, 1987, 217 p. (In Russ.)

Buslaev F.I. *Russkie poslovice i pogovorki, sobrannye i objasnjonnye* [Russian proverbs and sayings, collected and explained]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1954, 176 p. (In Russ.)

Zykova I.V. *Rol' konceptosfery kul'tury v formirovani frazeologizmov kak kul'turno-jazykovyx znakov* [The role of the conceptual sphere of culture in the formation of phraseological items as cultural and linguistic signs: DSc thesis, summary]. Moscow, 2014, 52 p. (In Russ.)

Meleroevich A.M., Mokienko V.M. *Frazeologizmy v russkoj rechi* [Phraseological items in Russian language]. Moscow, Russkie slovari Publ., Astrel' Publ., 2001, 856 p. (In Russ.)

Popova A.R. *Leksiko-frazeologicheskij kompleks kak rezul'tat realizacii kreativnogo potenciala leksicheskoj edinicy* [Lexical and phraseological complex as a result of the realization of the creative potential of a lexical unit: DSc thesis]. Orel, 2013, 537 p. (In Russ.)

Popova A.R. *Stihofrazy* [Poemphrase]. Issue 1. Orel, Gorizont Publ., 2015, 76 p.; Issue 2. Orel, Gorizont Publ., 2020, 128 p. (In Russ.)

Savickij V.M. *Osnovy obshhej teorii idiomatiki* [Fundamentals of the general theory of idiomatics]. Moscow, Gnozis Publ., 2006, 206 p. (In Russ.)

Telija V.N. *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekt* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Shkola «Jazyki russkoj kul'tury» Publ., 1996, 288 p. (In Russ.)

Fjodorov A.I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2008. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (access date: 09.02.2022). (In Russ.)

Harchenko V.K. *Funkcii metafor* [Metaphor Functions]. Voronezh, Voronezhskij universitet Publ., 1992, 88 p. (In Russ.)

Chernysheva I.I. *Frazeologija sovremennogo nemetskogo jazyka* [Phraseology of the modern German language; DSc thesis, summary]. Moscow, 1964, 27 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.12.2021; одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 02.12.2021; approved after reviewing 19.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.